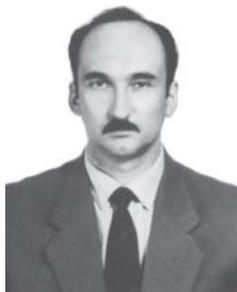

ДУХОВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ОХОТА В ИСТОРИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ВРЕМЕН

Виктор Владимирович ГАПОНОВ,
кандидат биологических наук

*И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...*

М. Лермонтов

*Все, что только может
предоставить природа человеку,
охота доставляет охотнику*

А. Брэм

Кризисные явления, связанные с современной мировой цивилизацией и выразившиеся как в обострении экологических проблем, так и деградации самого человека, явились следствием культурного развития человечества, уровня культуры — как системы ценностной ориентации человека и общества; культуры, представляющей собой смесь, нерасторжимое единство, сплав духовных, интеллектуальных и физических начал в человеке, народе и обществе. Культура, как известно, появилась одновременно с выделением человека из мира природы как особи, наделенной в отличие от всего остального живого мира тремя субстанциями: духовной, интеллектуальной и биологической. И родилась она, естественно, в силу острой потребности человека во всесторонней ориентации в окружающем мире, в обретении опыта жизни (Стрюченко, 1998: 75, 81).

Кризис современности увязывается в основном с особой, недостижимой для разума сферой, которую представляют дух, душа, духовность. Попробуем очень кратко прикоснуться к данным понятиям. В.И. Даль начинает их обширное толкование с определения: «Дух...: обитатель не вещественного, а существенного мира...» и далее — «... в высшем значении — искры Божества, дух выше души и отличает человека от животного». Дух и духовность — «... все относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и воля». Как отмечали поэты и философы прошлого, душа человека, или его внутренний мир, представляет собой «свернувшуюся в клубок Вселенную». Когда этот «клубок» вселился в человека, легенды и наука замолчали. Но, как продукт космической и биологической эволюций, он существует в каждом живом существе, особо проявляясь у продолжателя этих эволюций — человека.

Духовность — есть от начала присущее каждой человеческой душе стремление в меру своего понимания и сил утвердиться и преобразиться в Абсолюте, раскрыться в богочеловечности; стремление, находящее свое выражение в воле к творчеству и в конкретных формах этого творчества. Цитируя Блаженного Августина, С. Николаев говорит, что через духовность проходит путь «От

внешнего — к внутреннему, от внутреннего — к Высшему», происходит соединение природы «небесной и перстной» (Николаев, 1999). Духовность человека неразрывно связана с такими понятиями, как свобода, любовь, благородство, творчество. Она не может быть без любви к природе, родине, людям и, конечно же, не может быть без любви к Творцу. Любви без посредников. Вне духовности само понятие человека как бы исчезает.

Все три инстанции человека — духовная, интеллектуальная и биологическая теснейше связаны в своем развитии и определяют характер социальных процессов. Но духовность человека стоит особо как наиболее неизведанная и таинственная сторона человеческой сущности. В прикосновении к раскрытию темы духовности человека и охоты важнейшее значение имеют как метод историзма с его периодом «большого времени» (М.И. Бахтин), так и ретроспективный метод — возможность с помощью прошлого раскрыть сущность настоящего, а с помощью настоящего — прошлое. «Не уверенные в своем будущем, мы обращаемся к далекому прошлому, чтобы найти пути нашего дальнейшего развития» (П. Кууси, 1988:35).

Вспомним глубокие исторические корни человека. Эволюционный период перехода от животного к человеку продолжался около 600 тыс. поколений (Хроника... 1994:9). Причем, кроме внутренней, генетической предрасположенности появления человека кинетику его формирования составляли внешние факторы, такие, как условия и образ жизни, а также питание. Все ископаемые обезьяны питались в основном мягкими плодами и побегами. Рамапитек (12—4 млн. л. до н.в.), в котором природа совершила первый шаг на пути к человеку, питался орехами, семенами, кореньями. Но он еще не был человеком. Потомок рамапитека *Homo habilis* (человек умелый), живший от 4,0 до 1,5 млн. лет назад, уже был охотником. В дальнейшем весь период становления человека как вида (от 4,0 млн. до 40—30 тыс. лет до н.в.) происходил именно в качестве совершенствующегося охотника.

Совершенствование процесса охоты и увеличение мозга охотника происходили одновременно. Именно в качестве охотника человек освоил всю эйкумену, которая уже была заселена дикими животными. «Можно сказать, что сложение охоты как особой системы хозяйства и прогресс этой системы определяли развитие человеческого общества на его древнейших этапах» (Массон, 1976:22). «Классический неандерталец», живший около 80 тыс. лет тому назад, чтобы выжить в условиях льда и мороза, был вынужден стать сильным, ловким и хитрым охотником. Время появления неандертальца и кроманьонца пришлось на максимальное похолодание, когда высококалорийная мясная пища определила прогрессивное развитие общин охотников более северных широт. Как только около 4 млн. лет назад человек «слез с дерева», выживать в конкурентной борьбе с ближайшими родственниками, в том числе охотниками-гоминидами, а также с хищниками мог лишь наиболее совершенный охотник. Продолжительность жизни человека-охотника была очень короткой, но именно он совершил прорыв от древних гоминид к современному человеку. Лишь чистая охотничья культура в суровых условиях сделала его человеком. Наряду с морфофизиологией современного человека охота сформировала его поведенческие характеристики, в том числе годовой и суточный ритмы. Периодические голодовки, непрерывно сопровождавшие человека-охотника на протяжении всей его истории, в последующем закрепились во всех мировых религиях в качестве постов как лучшего средства духовного очищения человека. Неандертальцы уже задумывались над вопросами жизни и смерти. Мертвых они предавали земле и клали им в могилу оружие, орудия труда и пищу. Они

верили в загробную жизнь. Сохранились свидетельства попыток художественного отображения мира (Хроника... 1996: 12—13). С начальным верхним палеолитом; — временем расцвета охот (60—20 тыс. л.н.) — искусство как часть культуры человека появляется сразу же в многообразии форм и жанров: графика, скульптура, музыка, танцы, театральные представления, позднее живопись. Изображение животных достигает своего совершенства. Искусство охотников на мамонтов, как мощный прожектор, высветило в прошлом вкус к красоте и гармонии, сложный духовный мир, воплощенный в мифах (Бродянский, 1995:57).

Рассматривать духовность, умалчивая современные религии, кажется неестественным. Но это только на первый взгляд. До того как сформировались основные мировые религии, человек уже сотни тысяч лет был духовным существом. Само христианское учение признает то, что духовность есть изначально свойственная человеку устремленность к обожению (теозису) всего своего существа, через стяжение благодати (Николаев, 1999). Стрессом, приводящим в шоковое состояние и одновременно всплеском духовности стал факт осознания человеком собственной смерти. О его воздействии имеет представление каждый, кто вспомнит, какие чувства он испытывал в раннем детстве, когда впервые осознал неизбежность своей смерти. С появлением абстрактного мышления человек с раннего возраста стал понимать, что он не вечен и его жизнь очень коротка. Возможно, это побудило массово признать существование души и поверить в загробную жизнь. Анимализм, выразившийся в зооморфных образах, не только показывал единство живой природы в качестве тотемов родовых обществ, но и являлся способом раскрытия астральных основ мировоззрения предков (Ларичев, 2000:26).

Эпоха охотников и собирателей составила более 99 % всей человеческой истории. За это время сформировались все основные жизненные потребности людей, которые на протяжении последующей истории человечества остаются неизменными (П. Кууси, 1988:9). Собиратели и охотники нуждались в просторе. Низкая плотность населения была обусловлена способом добывания пищи. По Ч. Риду и Р. Брейдвуду плотность населения для эпохи охотников и собирателей равнялась 1—7 чел. на 100 кв. км. (Массон 1976:102). Причем в течение продолжительных исторических периодов численность населения значительно не менялась. Если в эпоху Ашель (нижний палеолит) на территории современной Молдавии в расчете на 100 кв. км обитали 1,2—1,5 чел., то в верхнем палеолите — 3,7 (Массон, 1990:63). Поселение из 12—25 (до 50) чел. в среднем нуждалось в территории 100 кв. км. Кроме того, между племенами было необходимо наличие «ничейной» земли, так как для процветания популяций любых видов, в том числе первозданных популяций человека, очень важно наличие свободного пространства (П. Кууси, 1988:116). В этот период люди, нуждаясь в пище, отправлялись на ее поиски и добывали столько, сколько им было необходимо для еды. При племенном владении всеми ресурсами в зоне хозяйственного освоения (ареале популяции) каждый имел право пользоваться всеми «дарами природы». Именно в тех условиях закладывались истоки духовности людей, возможно, немыслимой без понятия родины и права каждого на владение этой родиной.

Когда *Australopithecus* и *Homo habilis* от собирательства перешли к более эффективному способу добывания пищи — охоте, для защиты и выживания потомства было важно, чтобы каждый охотник возвращался именно в свою семью. Этому как раз и способствовало усиление привязанности мужчины к женщине и наоборот. Охота породила нуклеарную семью, ставшую основой человеческих взаимоотношений на всех последующих этапах культурной эволюции. Такая семья гарантировала высокую выживаемость потомства и обеспе-

чивала ему защиту на протяжении всего длительного периода детства. Продолжительное детство и крепкая нуклеарная семья, безусловно, сыграли важную роль в успешном усвоении человечеством достижений культуры (П. Кууси, 1988:62). Согласно исследованию Ж. — Н. Бирабана («Очерки об эволюции численности людей»), культура собирательства и охоты, существовавшая между 35 тыс. и 8 тыс. годами до н.э., выглядит суровой и жестокой. Около 30 тыс. лет назад численность людей составила примерно 5 млн. чел. (4—8) и находилась на этом уровне около 20 тыс. лет. Между 12 и 8 тыс. лет до н.э. (в период уничтожения мамонтовой фауны) число людей сократилось наполовину (П. Кууси, 1988:27, 113). По оценкам различных антропологов, количество убиваемых в это время детей достигло 50 % всех новорожденных. Девочек уничтожали чаще, чем мальчиков, ибо первые были будущими матерями, а вторые — воинами и охотниками. Требовалось мощное давление культуры (выживания), чтобы заставить родителей бросить или убить собственных детей, и еще более сильное — чтобы заставить убивать больше девочек, чем мальчиков.

При жизни в природе, эмоционально насыщенной и очень трудной, при редком населении на фоне поэзии окружающей богатой природы выкристаллизовалась возвышенная, одухотворенная и трагичная любовь. Великое горе безжалостными плугами взрывало души людей, одновременно обнажая алмазы божественной человеческой любви. Именно противоречия культурной и биологической эволюций того времени породили мучительную, высокую и необъяснимую духовность любви, которая осталась сохраненной в генах человека в последующие тысячелетия.

Человечество возникло и сформировалось в окружении лесных и степных просторов и богатого животного мира (Верещагин, 1975:39). Именно этот идеализированный мир очень долгое время ассоциировался у человека с раем, что также нашло отражение в канонах мировых религий. Когда человек слушался Бога, Господь Бог выслал его из сада Эдемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят (Бытие, 3:23). Так в духовном (церковном) изложении прекратилась Великая Эпоха охот. Историки назвали этот период сменой палеолита неолитом. Генетическая память определила, что никакой другой труд так не увлекал человека и не был ему так дорог, как охота. От охоты не искали отдыха и не хотели с ней расставаться даже после смерти. После ухода из жизни все мечтали отдохнуть от земных дел и представляли загробную жизнь как упоительное безделье и блаженство под сенью райских кущ, как вечный праздник, украшенный мудростью святых апостолов или ласками сладостных гурий. Никто не хотел заниматься своей земной жизнью после смерти. Этого не хотели ни воин, ни раб, ни чиновник, ни ремесленник — они уставали от жизненных дел. Но это было уже потом. Другое дело люди великих охот, которые после смерти мечтали перейти в «страну охоты» с бесчисленными стадами бизонов, оленей, кабанов и прочих зверей. В росписях гробниц ранней цивилизации практически всех народов имеются картины пиров, танцев и охот. До расцвета цивилизации мечта загробной жизни людей — охота. Подтверждения этому имеются у этрусков, индийцев, скандинавов и др. народов, чья история просматривается на вещественном материале с древнейших времен.

Есть ли в современной системе духовных ценностей место для охоты? В сложившемся определении под охотой подразумеваются: 1) любые формы изъятия диких наземных животных и морского зверя; 2) любые способы и формы изъятия из природы некультивируемых животных и растений без нарушения природной обстановки (Реймерс, 1990:333). Применение именно первого ва-

рианта определения охоты является общепризнанным. Его в основном и будем придерживаться. Но прежде чем определить значимость охоты обратимся к значению самой природы для человеческой души. По определению основателя экологии человека академика С.С. Шварца: «Единственная, «привычная», в эволюционном плане, среда человека, обеспечивающая его оптимальное психофизиологическое состояние, — это природа, которая не может быть заменена даже самой лучшей имитацией. Совершенство нервной системы человека создает возможность адаптации к непривычным условиям. Но чем раньше мы зададим себе вопрос, «какой ценой»? тем лучше» (Шварц, 1976:87). После выхода из системы, в которой человек сложился как биологический вид, у него возникает чувство бесцельности существования (Красилов, 1992:174). Мастера человеческой души М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, Н.К. Рерих и др. были едины в своих суждениях — «духовное счастье» неразрывно связано с природой. Находясь один в природе, человек окружен «искусством Бога» (по Томасу Брауну). Отсюда истекает то, что верное чувство прекрасного возникает лишь в единении человека и природы. Любой разрыв духовных корней, связывающих человека с природой, трагичен для человека. Сколько индейцев, саамов и прочих «сынов природы» пришли в уныние, умерли духовно и физически, когда их оторвали от природы и охоты, разрушили традиционный образ жизни. О таких людях, попавших в «цивилизацию» и желавших жить, Питирим Сорокин писал, что они обречены на пьянство с развратом, смерть или мечтание в виде творчества (Сорокин, 1994:219). Людей, рожденных уже в цивилизации и все более отдаляющихся от естественной связи с природой, неминуемо ожидает постепенная деградация, накапливающаяся от поколения к поколению.

Из всех профессий и увлечений лишь охотник постоянно находится один на один с природой, вступает с ней в диалог в любую погоду, любое время суток и года. По словам И.С. Тургенева, «один охотник видит природу во всякое время года, дня и ночи во всех ее красотах и во всех ее ужасах». Одинокое скитание в первозданной природе всегда сопровождается ощущением незримого присутствия Творца и одухотворением явлений природы. Охотник, если он и неверующий, почти всегда суеверен и нередко настроен мистически. Он, как никто иной, естественно и тесно связан с природой. Длительные уединения в целях дающего жизнь промысла, представляют основу духовного общения с живой природой, со всей Вселенной и обостряют ценность встречи с родными людьми, чувство родного дома. Только настоящий охотник, забираясь в самую глушь первозданной природы, незаметно созерцает неуловимые «дух и гений места» каждого распадка, полянки, склона. Этот «тихий поборник красоты» бесшумно и незаметно, сливаясь с окружающей природой, обречен видеть то самое древнее и глубокое, чего лишены многие современные жители планеты. По выражению М. Пришвина, из охоты вытекли все его душевные слова, а каждый страстный охотник является обладателем огромного и многим вовсе неведомого чувства природы. «С охоты я приносил домой самую драгоценную добычу — красоту мира, заворожившую глаза и навсегда запечатленную в глубинах сердца, была вокруг такая глушь, такая чистота воздуха, что мечта о райском бытии казалась воплощенной в действительности», «Охота, ворожившая еще над моей колыбелью, сделала меня участником вечного праздника Природы, посвятив во все глубинные и сокровенные тайны ее бессмертной Красоты», — писал Николай Смирнов. По словам этого писателя, настоящий охотник должен быть очень ограничен в добыче. Обилие «мертвой натуры» обесценивает смысл и поэзию охоты. Глубокий философ-

кий смысл и сущность этичности охоты заключены в ее бесприбыльности как вероятности нескончаемого существования полноценной жизни на планете. Без внутреннего благородства и бескорыстия настоящей охоты быть не может, так как отсутствие этих качеств исключает возможность созерцать «божественное великолепие мира» и глубоко чувствовать природу. «Идти в лес и на болото надо просветленному, с живым сочувствием к той красоте и к тем радостям, какие нас там ожидают», — писал О. Волков. Самый «охотничий» рассказ И.С. Тургенева называется «Лес и степь». Прочитав его, вы не обнаружите там ни одного выстрела, ни одной кровавой картины, несущей смерть живому существу, а окунетесь всей душой в любование русской природой, ее неповторимой самобытностью. По заключению Н.А. Бердяева, главная космическая сила, которая дегуманизирует и обезличивает человека — это техника (Баландин, 1990:4). Охота, как ничто иное, консервативна. Как только в ее процесс внедряются технические совершенства, она сразу же теряет всю духовность. Поэзия и охота, любовь и охота, знание природы и охота неразделимы. Без высокой нравственности и этики не может быть настоящей охоты. Она также неразделима с истинной гуманностью и глубокими знаниями биологии. А любовь к природе, выраженная словом, охотничья литература неотделима от науки об охоте, охотоведение — от любви к природе, к охотничьей фауне, выраженной делом. Связь этого единства определяет философское единение противоречий — жалости к диким животным, желания сохранить, выходить их потомство и счастья удачной охоты (Чернышев, 1998:35). Но лишь отдельные способы и объекты охоты несут в себе элементы духовности. Трудно представить большее счастье, чем то, что выпадает детям в охотничьих семьях, когда, «ген охотничьего счастья» с раннего детства попадает на благодатную почву навек самых родных охот с отцом и дедом, когда вхождение в жизнь отдельного человека сквозь шлейф тысячелетий сливается с юностью всего человечества. Поэтому особую духовную ценность охота приобретает в родных местах, связанных с картинами детства, памятью родителей.

Рассматривая истоки духовности человека и охоту в широком понимании невозможно обойти вниманием такое явление, как поиски настоящего дикорастущего женьшеня в уссурийской тайге. В отличие от всех остальных объектов растительного и животного мира женьшень обладал особой одухотворенностью и всегда как бы представлял душу земли, на которой он произрастал. Человек поклонялся многим объектам и явлениям природы, но покаяния просил лишь у Бога и Женьшеня. «Корень жизни» — называли его люди. Многие тысячелетия женьшень был овеян таинственным ореолом бесчисленных легенд и преданий. Находясь под покровительством лесного духа, он сам являлся лесным божеством. Нет, пожалуй, другого растения, которое пользовалось бы столь огромной славой. И ни о каком ином растении в мире не сложено больше легенд и преданий, чем о женьшене. Процесс поиска женьшеня — удивительный, неповторимый диалог с уникальной природой. Он делает человека глубоким и тихим. Если женьшень, выращиваемый в культуре, имеет лишь определенную материальную стоимость, то дикорастущий женьшень уссурийских лесов — явление духовное, лекарство для души. Он непревзойденный символ одухотворенности жизни, ее древних самобытных истоков. Есть все основания предположить, что местные, коренные жители земли поклонялись ему еще со времен неолита.

Женьшеневая охота (как и другая настоящая охота) имеет еще и этическое, моральное значение. С древних времен считалось, что человеку пустому, дурному, с темной грешной душой женьшень не дается и уходит от него в землю.

Этика — понятие философское, категория, придуманная человеческим обществом для своего существования и развития. А. Швейцер в книге «Этика и жизнь» указывает, что «Добро — то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей» (Дежкин, 1997:2). Стремление каждого вида к размножению в геометрической прогрессии, утверждаемое эволюционным учением, существует, но не реализуется, так как всегда сдерживается сложным комплексом условий среды обитания — биотических и абиотических. Если для популяций диких животных опасна «незаполненность» угодий, то также опасна их перенаселенность, истощающая кормовые ресурсы и создающая обстановку, благоприятную для эпизоотий (Юргенсон, 1964:21; Юргенсон, 1966:10). В отдельные годы, чтобы сохранить себя, популяция «жертвует» более 90 % поголовья особей, ее составляющих. Нерегулируемая популяция после всплеск численности впадает в глубокую и продолжительную депрессию. А изолированные популяции деградируют. Не изымая своевременно необходимую часть популяции, люди обрекают всю ее на голодное существование, заболевание, ослабление организмов, падение репродуктивного потенциала. Даже если человек не изымает ни одного животного, они неминуемо погибнут в мучениях от хищников, болезней, голода, старости. «Эффект компенсации», открытый С.А. Северцевым и П. Эрингтоном, определяет, что усиление гибели от одной причины, как правило, сопровождается уменьшением, а иногда и прекращением гибели от других причин (Наумов, 1966:14). Из сказанного вытекает, что вся этичность заключается не в самой смерти животных, которая неминуема, а в способе умерщвления.

Историю охоты омрачает именно тот факт, что человек ни в какие исторические эпохи не знал законов популяционной экологии и не соблюдал их, что в свою очередь оказалось губительным для многих особо уязвимых видов. Если на протяжении многих тысячелетий до появления совершеннейших охотников верхнего палеолита в процессе совместной эволюции человека и диких животных по отношению ко многим видам естественно выполнялось эволюционно оправданное основное условие популяционной экологии, требующее изъятия животных по половозрастной структуре пропорционально гибели особей в предстоящий «узкий» для популяции период, то в последующем этот принцип повсеместно стал нарушаться. Во времена палеолита жизнь людей определяли единство и неразрывная органическая связь с природой. В те времена духовно человек выступал как брат животных, родственно был связан с ними, что стало основой тотемного культа — самого продолжительного в истории человечества.

Поскольку человек формировался как социальный феномен, не прекращая оставаться биологическим существом, то все его особенности, в том числе и отношение к охоте, могут проявляться как на индивидуальном уровне, так и на уровне сообщества. Страсть к охоте является врожденной. Ген «духовности охоты» как светлый отголосок «зари человечества» независимы ни от родителей, ни от окружающей обстановки. Другое дело, что для его проявления необходимы определенные условия. По отношению к охоте можно выделить несколько категорий людей. Первые — это те, кому охота безразлична. Люди, лишённые чувства природы, равнодушные или враждебные к ней. По Тютчеву — у них самая большая вероятность «прожить жизнь на незамеченной земле». Вторые — это «зеленые» алармисты. Чаще всего это биологически безграмотные, но «обреченные» на борьбу с охотниками люди. С одной стороны, питательной средой деятельности их является истощение ресурсов животного мира, а с другой — именно к ним были обращены (но так и остались не услышанными) слова профессора Р. Парсона, что «убийство с помо-

щью смертоносного оружия более достойно похвалы, чем убийство, являющееся результатом милосердия». Между первыми и вторыми находится прослойка тех, кто неактивно, «теоретически» как бы охраняет природу, но фактически очень далек от ее проблем. Вместе эти три категории в современном обществе составляют около 90 % от числа взрослого мужского населения.

Оставшиеся — это «люди с ружьями», которых в свою очередь А. Ливеровский разделил на три категории. Первая — это «чужие». Самая массовая категория. Они страшны тем, что их очень много. Им чужды законы биологии и законы общей этики. Они далеки от охотничьего этикета и особенно вредны природе. Они приносят вред всем людям, но более всего вредны настоящим охотникам. Вторые — это «хапуги», идущие на охоту, чтобы больше убить. Чаще всего у них отсутствует гражданская совесть. Законы биологии и этики, если они их и знают, то безжалостно попирают. Это наиболее яркий продукт цивилизации. В.К. Арсеньев называл их «промышленники». «... в числе людей, числящихся и считающих себя охотниками, имеется множество человекообразных особей с полным отсутствием понятий о гуманизме, доброте и красоте, о порядочности, наконец!» (Алехин, 1999). Именно эти две категории нанесли и наносят непоправимый ущерб как природе, так и светлому имиджу охоты. И третьи — настоящие охотники, которым писанные охотничьи законы не нужны. Главный их закон — это закон совести, который опирается на любовь и знание природы (Ливеровский, 1968). В чем-то схожую, но в другой плоскости классификацию охоты провел Ф. Раевский, определив, что «охота обыкновенно делится на три рода: по нужде, по ремеслу и по любви к искусству». По образному выражению М. Пришвина, именно охотники третьей категории всю жизнь несут «охотничью заразу счастья». Ничто так не связано с любовью и поэзией, как природа. И ничто так духовно не сближает человека с природой, как настоящая охота. Охота как поэтическое восприятие — диалог души и природы, где стрельба по дичи становится делом второстепенным и скрытым. Что может быть лучше, чем благородно вверяться древнейшей страсти, которая когда-то определила появление самого человека.

Как заключил М. Пришвин, чувство природы в литературе сказалось вполне оригинально только у тех, кто был охотником. Составители учебника русского языка для общеобразовательных школ не были охотниками. Но в учебники включен материал, большей частью сотворенный настоящими «охотниками от Бога». Перечислять всех мастеров искусства — охотников не имеет смысла. Достаточно сказать, что самый лиричный поэт России и лучший ее пейзажист самозабвенно были влюблены в охоту. С уничтожением мамонтовой фауны исчез сам Великий охотник. Мощнейшее давление культуры в последующие эпохи, особенно культуры, порожденной цивилизацией, определило не только поведение человека, но и изменило его генотип. В результате культурной деформации ген духовности охоты проявляется не менее чем, на порядок ниже, чем ген религиозности человека. Если, как свидетельствуют культурологи, в современном мире классической музыкой, классическим искусством, которое является емким хранителем бесценного культурно-исторического, духовного опыта, интересуются всего лишь 5—7 % (Стрюченко, 1998:95), то духовность охоты присуща не более 1,5—2 % населения.

Кроме генетической предрасположенности к охоте существует общественное отношение к ней, которое, в свою очередь, зависит от состояния самих человеческих популяций. Экология человеческих популяций, в том числе учение об этносах (Реймерс, 1990:596), связывает многие процессы, происходящие в жизни людей, с популяционной динамикой. Оставаясь анатомически и

физиологически равнозначными, люди в разных фазах этногенеза абсолютно различны в своем поведении и выборе приоритетных ценностей. Уровень нравственности этноса, его культура, выражаемая отношением к искусству и живой природе, могут иметь противоположную направленность от одухотворенного созидания до варварского уничтожения. Духовная сторона этноса и его отношение к окружающим ландшафтам неразделимы и выражают фазу этногенеза, или состояние популяции человека (Гумилев, 1994: 385—396). Сами популяции человека за период его этнической истории претерпели значительные изменения. Популяции на уровне биогеоценозов и географических ландшафтов, в составе которых человек формировался как биологический вид и духовно, с приходом цивилизации стали если не исчезать совсем, то размываться по форме и становиться бесправными к ресурсам по содержанию. Расовые, этнические, национальные, политические, религиозные, торгово-производственные (международные монополии) и ряд других отношений, которые несет цивилизация, усложнили и перепутали внутри и межпопуляционные механизмы. Но тем не менее популяции человека существовали и существуют, являясь универсальной структурой человеческого общества.

Духовность охоты космополитична и, несмотря на расовые и этнокультурные различия, зависит лишь от конкретных людей и существующих условий. Россия имеет свою особую охотничью судьбу, определившуюся не только историей, охотничьими просторами и самобытными этносами, но также региональной полярностью и духовной общностью российского культурного суперэтноса. В русской охоте наиболее ярко и всеобъемлюще проявилась история мировой охоты и особенно ее духовная составляющая. Русская охота — понятие духовное, это форма состояния духа (Чернышев, 1998: 34—35). В Европейской России расцвет государства, а затем затянувшаяся «Золотая осень цивилизации» влекут переход от псовых барских охот екатерининской эпохи к грустным философским тургеневско-аксаковским охотам XIX в. и пришвинским охотам одиночек. Духовную и моральную деградацию России на рубеже XX и XXI вв. выразил фильм 1996 г. «Особенности национальной охоты».

Сто лет назад настоящий охотник, певец Маньчжурии Н.А. Байков писал, что человечество, все более и более удаляясь от природы, убивает в себе все то высокое и хорошее, что отличает его от животных. Из всего животного мира один только человек одухотворяет природу в силу духовной потребности в ней. Лишь она является вечным и единственно прекрасным для человека (Стрюченко, 1998: 34, 100). По причинам, изложенным выше, нельзя слова «охота» и «цивилизация», отождествляющие разные эпохи в развитии человечества, отделять в современном обществе друг от друга по смыслу, заключенному в них. Как первое, так и второе несут в себе позитивные и негативные явления и в целом не могут являться антагонистами. Более того, культура цивилизаций во многом выражает «генетическую тоску» по тем условиям, в которых жил и формировался человек-охотник как духовное явление. Современное стыдливое неприятие охоты на почве некомпетентности в вопросах биологии и обеднения видового разнообразия планеты идентично отрицанию размножения человека половым путем и платонической любви по причине разврата и разложения моральных устоев общества. В становлении человека, самого сложного и эволюционно продвинутого существа, в его единении с природой охота безальтернативна. Незаслуженно забытая, она нуждается в самом серьезном изучении. Совершенствование охоты, доведение ее до идеала органического, в том числе духовного вживания в природу, должно занять свое достойное место в полноценной и бесконечной жизни человека на земле.

ЛИТЕРАТУРА

- Алехин И. 1999. Охота, любовь моя // Охота и охотничье хозяйство. № 6. С. 38—42.
- Баландин Р.К. 1990. Научно-технический прогресс и природа: концепции В.И. Вернадского и Н.А. Бердяева // История взаимодействия общества и природы: факты и концепции. М., 1990. Ч. 1—2. С. 3—4.
- Баринев А. 1997. На закате жизни // Охота и охотничье хозяйство. № 3. С. 12: 36—38.
- Бродянский Д.Л. 1995. Человек. Культура. Общество. От рождения до порога цивилизаций. Владивосток.
- Брянцева В. 1996. Охота в зарубежной музыке // Охота и охотничье хозяйство. № 3. С. 36—37.
- Верещагин Н.К. 1975. Охота наших предков // Охота и охотничье хозяйство. № 2. С. 39—41.
- Верещагин Н.К. 1991. Шестая конференция // Охота и охотничье хозяйство. № 4. С. 41—43.
- Гумилев Л.Н. 1994. Этногенез и биосфера земли. М. 640 с.
- Дежкин В.В. 1997. За гуманность с разумом и сердцем // Охота и охотничье хозяйство. № 5 С. 1—4.
- Елинек Я. 1982. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага.
- Ермолова Н.М. 1977. Охота и природа Южной Сибири в каменном веке // Палеоэкология древнего человека. М. С. 197—202.
- Красилов В.А. 1992. Охрана природы: принципы, проблемы, приоритеты. М. 174 с.
- Кууси Пекка. 1988. Этот человеческий мир. М. 368 с.
- Ларичев В.Е. 2000. Воплощения времени (к проблеме информационных традиций в первобытном искусстве) // История и археология Дальнего Востока. Владивосток. С. 25—40.
- Ливеровский А. 1968. Славлю охоту // Охота и охотничье хозяйство. № 7. С. 32—35; № 8. С. 28—31.
- Массон В.М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука. 192 с.
- Массон В.М. 1990. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе. 96 с.
- Мень А. 1991. Благая весть // Знамя. Сент. С. 197—198.
- Наумов Н.П. 1966. Популяционная биология и охотничье хозяйство // Охота и охотничье хозяйство. № 3. С. 14—15.
- Неструх М.Ф. 1970. Происхождение человека. М. 440.
- Николаев С. 1999. Это «сакраментальное» слово «духовность»: Некоторые соображения по поводу «Сердитых заметок» А. Пелипенко и И. Яковенко // Открытая политика. М. № 39.
- Новгородова Э.А. 1989. Древняя Монголия: Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории. М.
- Окладников А.П. 1955. История Якутской АССР. М.; Л.
- Пришвин М. 1991. Женьшень. Владивосток.
- Реймерс Н.Ф. 1990. Природопользование. Словарь-справочник. М. 640 с.
- Русанов Я. 1995. Мысли об охоте // Природа и охота. № 4—5. С. 3—7.
- Сорокин П.А. 1994. Гамсун и Верхарн как выразители современных дум и настроений: Статьи разных лет // Общедоступный учебник социологии. М. 560 с.
- Сохранение биологического разнообразия в России // Первый национальный доклад Российской Федерации. М., 1997. Приложение—карта 11, 12.
- Стрюченко И.Г. 1998. Культура и исторический процесс: Этюды истории. Владивосток. 100 с.
- Уайнер Д. 1979. Экология человека // Биология человека. М. С. 472—596.
- Хроника человечества // М., 1994. Большая энциклопедия. 1996.
- Чернышев В. 1998. На большаке охотничьей литературы: XX век // Охота и охотничье хозяйство. № 1. С. 34—35.
- Шварц С.С. 1969. Популяционная экология — теоретическая основа охотничьего хозяйства // Охота и охотничье хозяйство. № 4. С. 16—17.
- Шварц С.С. 1976. Экология человека: новые подходы к проблеме «человек и природа» // Наука и жизнь. № 11. С. 86—94.
- Энгельс Ф. 1974. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.
- Юргенсон П. 1964. Размеры пользования охотничьими ресурсами // Охота и охотничье хозяйство. № 5. С. 19—21.
- Юргенсон П. Размеры использования запасов дичи // Там же. № 7. С. 10—11.

SUMMARY. The article of Candidate of Biological Sciences V. Gaponov is called «Man's Spiritual Qualities and Hunting in Historical Connection of Times». The author connects hunting process in pro-historical period with appearance of people's culture and shows Man's formation into spiritual, intellectual and biological specimen separate from Nature. The conclusion of the article is that in Man's formation in his unity with Nature hunting had got no alternative.